

ПОДЗАГОЛОВКОМ этой статьи могло бы быть: «Как готовили постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Эта печально известная резолюция ЦК ВКП(б), ставшая в 1946 году сигналом к новым гонениям на интеллигенцию, в наши дни воспринимается как символ сталинской политической цензуры, административно-погромного вмешательства в творчество художника. А потому и состоявшаяся наконец — более чем через сорок лет — отмена этого постановления была необходима не столько для восстановления доброго имени М. Зощенко и А. Ахматовой — они в этом не нуждались, — сколько во имя готовности разорвать с преступным прошлым, утвердить новые формы сосуществования художника и власти.

Фактически постановление, принятое в 1946 году, сталинское руководство готовило несколько лет. Уже в конце 1943 года в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) была составлена докладная записка, в которой начальник Управления Г. Александров, его заместитель А. Пузин и заведующий отделом художественной литературы А. Еголин информировали секретарей ЦК ВКП(б) Г. Маленкова и А. Шербакова о «грубых политических ошибках» журналов «Октябрь», «Знамя» и «Новый мир». В докладной громилась стихотворения И. Сельвинского, пьеса В. Катаева «Синий платочек», повесть М. Зощенко «Перед восходом солнца», повесть А. Довженко «Победа», рассказ А. Платонова «Оборона Семидворья», рассказ П. Лукницкого «Сила победы», Б. Лавренина «Старуха», очерки Ф. Панферова «Люди Урала», рассказ Ю. Слезкина «Старики», повесть А. Письменного «Край земли», напечатанные на страницах «Октября», «Знамени», «Нового мира».

Особо тщательному «критическому анализу» подверглись произведения Сельвинского, Зощенко, Довженко, Платонова, Лавренина. О творчестве Зощенко, в частности, говорилось: «В журнале «Октябрь» (№ 6—7 и № 8—9 за 1943 г.) опубликована пошлая, антихудожественная и политически вредная повесть Зощенко «Перед восходом солнца». Повесть Зощенко чужда чувствам и мыслям нашего народа... Вся повесть Зощенко является клеветой на наш народ, опощением его чувств и его жизни...»

Завершалась докладная многообещающе грозно: «Президиум Союза советских писателей, органами которого являются литературно-художественные журналы, совершенно не руководит их работой... Несмотря на неоднократные указания ЦК ВКП(б) о необходимости коренного улучшения постановки литературной критики, со стороны Президиума и лично тов. Фадеева не были приняты меры к повышению роли и значения литературной критики. Литературно-критические выступления тов. Фадеева

внимания последующих действий Управления пропаганды и агитации: «Приложить к всем материалам о книге Зощенко». Итак, уже в 1943 года на Зощенко собирался обвинительный материал.

Пока писатель, надеясь на понимание, ждал ответа на свое заявление, события принимали все более угрожающий характер. На стол секретаря Ленинградского горкома партии по пропаганде и агитации А. Маханова лег первый вариант отклика разгневанных читателей: инженера В. Горшкова, рабочего-слесаря Г. Ваулина, учительницы Л. Рукховской и инженера П. Большакова «О вредной повести». Сейчас уже невозможно установить, стояли ли за этими именами реальные люди, а если и стояли, то писали или просто подписывали подготовленный текст. Маханов же обратился за советом к Жданову: «Товарищу Жданову А. А. Направляю Вам статью «О вредной повести», написанную группой читателей. Статья выражает возмущение и протест против повести Зощенко «Перед восходом солнца». Прошу разрешить опубликование статьи в газете «Ленинградская правда», 11.1.44 г. А. Маханов». Адресат отреагировал так: «1. Лучше сказать: Об одной вредной повести. 2. Лучше было бы сократить

ее. МГБ свидетельствовала о том, что Зощенко в полной мере осознавал замыслы организаторов травли. Отвечая на вопросы о причинах выступления против... повести «Перед восходом солнца», Зощенко заявил прямо, что критика повести — не что иное, как «попытка повалить» его «вообще, как писателя». А услышав следующий вопрос: «Кто был заинтересован в этом? Ваши литературные враги?» — он сразу попал в точку: «Нет, тут речь могла идти о соответствующих настроениях «вверху». Чем были вызваны эти антизощенковские «настроения вверху», писатель тоже в полной мере продемонстрировал сотрудникам МГБ, позволив себе и в их присутствии политически маловыдержанные высказывания. «Вскоре, после войны, — говорил он, — литературная обстановка изменится, и все препятствия, поставленные мне, падут. Тогда я буду снова печататься. Пока же я ни в чем не изменюсь, буду стоять на своих позициях...»

Вопрос. Как вы оцениваете общее состояние нашей литературы?

Ответ. Я считаю, что литература советская сейчас представляет жалкое зрелище. В литературе господствует шаблон, все пишется по шаблону. Поэтому плохо и скучно пишут даже способные писатели.

собствовавшие публикации. Однако помощник Сталина торопились и поэтому уже не заботились о форме обвинений. Им был нужен повод, и они его изобрели.

9 августа 1946 года на рассмотрение Оргбюро ЦК ВКП(б) был вынесен вопрос о журналах «Звезда» и «Ленинград». Не боясь преувеличения, можно сказать, что Сталин придавал ему исключительное значение. Не случайно, впервые за последние десять лет, он решил лично участвовать в заседании Оргбюро. Кроме него, в зале присутствовали Г. Александров, Н. Булганин, А. Жданов, А. Кузнецов, Г. Маленков, Л. Мехлис, М. Суслев и другие — всего 25 членов Политбюро, Оргбюро, идеологических руководителей. Были приглашены и некоторые писатели: Вишневский, Капица, Лихарев, Прокофьев, Саянов, Тихонов, Фадеев.

Начало выступления главного редактора журнала «Звезда» Саянова прервал Сталин: «Этот ваш журнал для детей издается? — А почему в детский журнал не поместили?» И продолжал: «У вас требовательности элементарной нет. Это же пустяковый рассказ... Это же густейшая штука, ни уму, ни сердцу ничего не дающая. Какой-то базарный, балаганский анекдот. Непонятно, почему,

Ленинградского театра «Комедия» в сентябре 1941 года»).

Единственным писателем, выступившим на заседании Оргбюро в унисон со Сталиным, был Вишневский, в то время главный редактор «Знамени». «Человек этот начал писать в 1923—1924 годах, — говорил он о Зощенко. — У него везде персонажами являются пьяные, калеки, инвалиды, везде драки, шум. И вот возьмите его последний рассказ «Приключения обезьяны», возьмите и сделайте анализ его. Вы увидите, что опять инвалиды, опять пьяные, опять скандалы.

Сталин: И баня.

Вишневский: Баня, совершенно правильно. У него получается так. Вот вы меня критиковали, и вот пожалуйста, уважаемый...

Вместе с тем Вишневский, как и другие писатели — Саянов, Лихарев, Тихонов, просил оставить Ленинграду второй журнал. Однако воля вождя была непреклонной.

Две недели спустя после заседания Оргбюро появилось в печати постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Прежде чем оно было принято на Оргбюро 14 августа путем опроса, текст его непрерывно дорабатывался в Управ-

ской работы среди писателей на первого секретаря Ленинградского обкома и горкома П. Попкова. Затем объявлялся выговор Лихареву «за плохое руководство журналом «Ленинград», и было сформулировано требование об «обеспечении своевременного выхода» журнала «Звезда» и «улучшении его внешнего вида». Контроль за выполнением настоящего постановления возлагался на Управление пропаганды ЦК, лично на Александрова. И через три месяца намечалось заслушать на Оргбюро ЦК отчет главного редактора «Звезды» о выполнении постановления. В специальном пункте было выделено решение «командировать т. Жданова в Ленинград для разъяснения настоящего постановления ЦК ВКП(б)».

Новым главным редактором «Звезды» был назначен А. Еголин. При этом одновременно он сохранил должность заместителя начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б). Вопрос о новом редакторе на заседании Оргбюро 9 августа первоначально вызвал оживленные споры. П. Попков предложил кандидатуру писателя Прокофьева. Но ее отклонили. Не устраивал и Саянов, который, дескать, «мало обладает организаторскими способностями, мало предъявляет требований к писателям». И Широков выдвинул на пост редактора писателя П. Капицу. Его ответ сам Сталин: «Может быть, подошли так, что слабого бояться нечего. В старое время царем сажали чужака, слабого человека, чтобы легче было нажимать на него». После других реплик и вопросов Сталина, Маленкова и Жданова Широков покаялся: «Судя по тому, как вопрос ставится в ЦК, по-видимому, редактором «Звезды» надо утвердить более серьезного человека, которого не только в Ленинграде, но и в стране знают. Капицу знают в Ленинграде, но страна не знает». Спорить не приходилось. Действительно, все литераторы хорошо знали А. Еголина, ведавшего в течение нескольких лет в ЦК вопросами художественной литературы.

Дальнейшие события достаточно хорошо известны. 15 и 16 августа с докладами, посвященными постановлению ЦК ВКП(б), выступил Жданов. Писательские собрания по всей стране «единодушно» поддержали решение ЦК. Потоком пошли статьи, обличавшие вдум обнаружившиеся в большом количестве «аполитичные» произведения.

27 августа 1946 года Зощенко написал Сталину. Попав к Покребышеву, письмо было переправлено Жданову. Судя по пометке на письме, с ним были ознакомлены «вкруговую» А. Кузнецов, Н. Патолычев, Г. Попов, Г. Александров. Писатель пытался переубедить вождя. «Я никогда не был антисоветским человеком, — доказывал Зощенко, — в 1918 году я добровольцем пошел в ряды Красной Армии и полгода пробыл на фронте, сражаясь против белогвардейских войск... Мою литературную работу я начал в 1921 году. И стал

ХУДОЖНИК И ВЛАСТЬ

Денис Бабиченко «ПОВЕСТЬ ПРИКАЗАНО РУГАТЬ...»

Политическая цензура против Михаила Зощенко

раздел по защите наших великих писателей от обвинений их в отсутствии патриотизма и любви к Родине, т. к. к ним такое обвинение не пристанет, с тем, чтобы еще усилить нападение на Зощенко, которого нужно расклевать, чтобы от него мокрого места не осталось. 3. Это должно пойти не в «Ленинградскую» правду», а в «Правду». Жд[анов]».

Учтя эти замечания, Маханов направил Жданову новый вариант статьи. На этот раз текст удовлетворил секретаря ЦК, и он снял только ука-

Вопрос. Как вы расцениваете партийное руководство литературой?

Ответ. Руководить промышленностью и железнодорожным транспортом легче, чем искусством. Нет зачатую у руководителей глубокого понимания задач искусств...

Вопрос. Предполагаете ли вы, что после войны изменится политическая обстановка в литературе?

Ответ. Да. Литературе будет предположено злей и беспощадней писать о наших недостатках.

безусловно, хороший журнал предоставил свои страницы для печатания пустяковой балаганной штуки?» Саянов ушел от прямого ответа и попытался затеять разговор об общих проблемах литературы: «Мы указывали авторам на их ошибки, но у некоторых писателей было суждение такое, что вот война кончилась, теперь они отдохнут и теперь надо развлекать советского читателя... Наша вина, что против таких настроений мы не сумели отделить передовую писательскую часть... Вот, мне кажется,

ленин пропаганды. Один из вариантов проекта, подготовленный Г. Александровым и А. Еголиным, разослали Жданову, Маленкову, Кузнецову, Патолычеву и Попову. На своем экземпляре Жданов сформулировал следующую директиву по переработке проекта: «1. Журналы не могут быть аполитичными, в каждом художественном произведении должна быть политика. 2. Покончить с приятельскими отношениями, которые являются результатами аполитичности, отсюда гниль, все это идет за счет

...вещаниях писателей малосодержательны, абстрактны и нередко ошибочны... За последние годы ЦК ВКП(б) неоднократно давал прямые указания Союзу писателей об улучшении работы литературно-художественных журналов... Однако Президиум ССП и лично т. Фадеев не сделали для себя необходимых выводов из этих указаний, не ведут воспитательной работы среди писателей и не оказывают никакого влияния на их творческую работу... Управление пропаганды считает необходимым принять специальное решение ЦК ВКП(б) о литературно-художественных журналах».

Так в 1943 году была высказана идея о постановлении ЦК, реализованная в 1946 году. Пона же непосредственным итогом докладной Александрова, Пузина и Еголина было принятие в декабре 1943 года постановления Президиума ССП «О журнале «Октябрь» за 1943 год» и освобождение в феврале 1944 года А. Фадеева от должности председателя правления ССП. В это постановление были послушно включены основные формулировки докладной Управления пропаганды, в том числе и о Зощенко: «...пошлая, антихудожественная повесть М. Зощенко «Перед восходом солнца»... претендуя на якобы «научные» изыскания, на деле уводит читателя в область узколичных, мелких обывательских переживаний, далеких от жизни советского народа, в особенности в дни войны. Считать грубой ошибкой журнала напечатание вредной повести Зощенко».

Еще до принятия этого постановления Зощенко, видимо, почувствовал, что встал в немилость. Приехав в Москву, он 26 ноября 1943 года написал Сталину письмо-объяснение по поводу первой части повести «Перед восходом солнца». «Это антифашистская книга, — убеждал Зощенко вожда. — Она написана в защиту разума... Книга моя, доказывающая могущество разума и его торжество над низшими силами, нужна в наши дни. Она может быть нужна и советской науке. Ради научной темы я позволил себе писать, быть может, более откровенно, чем обычно принято. Но это было необходимо для моих доказательств. Мне думается, что эта молоток откровенности только усилила сатирическую сторону — книга осмеивает лживость, пошлость, безнравственность».

Через полтора месяца — 8 января 1944 года, — убедившись в отсутствии каких-либо попыток разобраться в его деле, Зощенко отправляет заявление на имя А. Щербакова. Если в письме к Сталину он просит «ознакомиться с... работой» и «дать распоряжение проверить «более обстоятельно... проверить ее целиком», то в заявлении Щербакову уже более отчетливо звучат ноты раскаяния: «Я глубоко удручен неудачей и тем, что свой опыт произвел несвоевременно... Сердечно прошу простить меня за оплошность — она была вызвана весьма трудной задачей, каковая, видимо, была мне не под силу». На этот раз адресат — секретарь ЦК по идеологии А. Щербаков был ознакомлен с содержанием письма. В левом верхнем углу заявления сохранилась пометка: «т. Щербаков ознакомлен. 13.1.» (подпись неразборчива). Тут же ниже другая: «Архив 20.1». И еще одна резолюция, важная для по-

знание профессорских, заменив их критикой: «Ленинградские рядовые читатели». Со статьей был ознакомлен также Г. Александров. И вскоре она появилась во втором январском номере журнала «Большевик». Отклик был написан в лучших традициях разгромной критики и в ряде формулировок предвосхитил принятое через два года постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград». «Это грязный плевок в лицо нашему читателю... Зощенко искал заплеванного обывателя... Герои его произведений — это лакестики... Пошлые и вредные произведения» — такими формулировками пестрело сочинение «Ленинградских рядовых читателей».

В начале февраля 1944 года в Москве состоялся девятый расширенный пленум ССП СССР. Избранный на нем новый председатель правления поэт Н. Тихонов выступил с докладом «Советская литература в дни Отечественной войны». Авторов «вредных произведений», подвергшихся критике в этом докладе, было трое: Н. Асеев, М. Зощенко и Н. Сельвинский. Каждому из них, как говорится, досталось, но нужно отдать должное Тихонову: критика была сравнительно мягкой. Настолько, что избранный на этом же пленуме оргсекретарем правления ССП Д. Поликарпов поспешил доложить Щербакову: «Докладчик не заострил внимания участников пленума на политически вредных явлениях в литературе... Киевские стихи Асеева и Сельвинского не получили острой политической оценки». Иначе выглядело выступление Г. Александрова. Под занавес, не услышав ожидаемого осуждения, он взялся за это дело сам. На Зощенко, пожалуй, было вылито больше всего грязи. Александров вновь объявил его писателем, изображающим только развратников, жуликов и шарлатанов. И все же среди участников заседания не нашлось ни одного, открыто поддержавшего этот погром. А. Л. Сейфуллина, не первый раз вырвавшая своих коллег, попавших в беду, даже попыталась оправдать и защитить Зощенко. Правда, некоторое время спустя в 3-м и 4-м номерах журнала «Большевик» была опубликована статья Н. Тихонова «Отечественная война и советская литература», содержащая более жесткие и категорические оценки творчества Зощенко.

Некоторое представление о том, что произошло за время между писательским пленумом и публикацией статьи в «Большевике», и о том, что заставило давнего приятеля Зощенко Тихонова столь быстро изменить свою позицию, дает запись беседы с Зощенко в Управлении МГБ по Ленинградской области. Писателя вызвали туда 20 июля 1944 года. Тридцать один вопрос и столько же ответов были, видимо, записаны на магнитофон, а затем перепечатаны. Был среди вопросов и такой: «Как оценивает Вашу повесть Тихонов?» Зощенко ответил: «Он хвалил ее. Потом на заседании Президиума объяснил мне, что повесть «приказано» ругать, и ругал, но ругал не очень зло. Потом, когда стенограмма была напечатана в «Большевике», я удивился, увидев, что Тихонов меня так жестоко критикует. Я стал спрашивать его, чем вызвана эта «перемена фронта»? Тихонов стал извиняться, сбивчиво объяснял, что от него потребовали усиления критики, «приказали» жестоко критиковать, и он был вынужден критиковать, исполняя приказ, хотя с ним и не согласен».

Беседа в ленинградском Управле-

нии, казалось бы, мог успокоиться: критика в печати почти никак не сказалась на его положении в писательской организации. И действительно, он по-прежнему член правления ССП СССР и его Ленинградского отделения. Его печатают. Решился тот момент изменить своему сатирическому дарованию и заняться «созданием положительных типов», Зощенко начинает писать большую книгу о партизанах. Работа не задалась. И хотя в то же время он создает цикл рассказов о войне, тяга к сатире не отпускает, и Зощенко с головой уходит в работу над комедиями. За относительно небольшой срок он написал для ленинградских театров две пьесы — «Парусиновый портфель» и «Очень приятно». Третья комедия-водевиль «Пусть неудачник плачет» не была принята к постановке и не публиковалась. Одновременно Зощенко пишет сатирические рассказы, в большинстве случаев — для детей, фельетоны. В 1945 году «Известия» помещают пять новых работ писателя. В 1946 году библиотека журнала «Огонек» печатает еще один сборник рассказов Зощенко.

Однако за фасадом этого относительно благополучия «дело Зощенко» продолжало разрастаться. Задним числом к материалам, собранным против писателя, была приложена его автобиография, написанная в 1939 году, а также личная карточка-анкета члена ССП, подписанная Зощенко в 1945 году. В деле появилась также небольшая справка о литературном объединении «Сергионовы братья» и, как показали дальнейшие события, появилась не случайно. Жданов в известных документах 1946 года достаточно много места уделил оценке деятельности Зощенко в этом «чуждом советской литературе» объединении. Был поднят к «делу» и материал, подготовленный Еголиным. В нем сообщалось о приятельских отношениях Зощенко с ленинградскими писателями Саяновым, Прокофьевым, Слонимским, Каверинным и Никитиным. Утверждалось, что рассказы Зощенко о войне «по своему содержанию также страдали целым рядом политических ошибок. В этих рассказах автор и герой относились слишком либерально к немцам, развивали чрезвычайно слабую ненависть к немцам со стороны русских людей».

В общем, судьба Зощенко была предрешена. И сталинские идеологи лишь ждали то ли повода, то ли сигнала для расправы. Как бы то ни было, главным объектом разносной критики избрали рассказ «Приключения обезьяны».

Этот небольшой рассказ для детей был опубликован еще в 1945 году в журнале «Мурзилка». Полгода спустя его перепечатали в «Звезде» в рубрике «Новинки детской литературы». Как утверждала жена писателя В. Зощенко, произошло это «без ведома автора — его просто перепечатали из «Мурзилки» по почину Прокофьева и Саянова. Об этом он узнал уже после свершившегося факта и был этим весьма недоволен, так как сам никогда бы не дал такой пустячный, шуточный рассказ, к тому же написанный полтора года назад, в серьезный журнал». Предполагать, что этот уже публиковавшийся рассказ для детей может быть расценен Ждановым как «наиболее яркое выражение всего того отрицательного, что есть в литературном творчестве Зощенко», не мог, конечно, ни сам писатель, ни его друзья, спо-

сказать».

Выступление редактора журнала «Ленинград» Лихарева сводилось к одному: он пытался убедить руководство страны в необходимости сохранить городу этот журнал. Лихарев признавал все ошибки, на которые ему указывали по ходу его выступления Сталин и Жданов; и публикацию рассказа Зощенко «Путешествие на Олимп», и «чрезмерное уважение к иностранцам». Достаточно независимо вел себя ответственный секретарь Ленинградского отделения ССП и член редколлегии «Звезды» Прокофьев.

«Прокофьев: Очевидно, у нас не хватало и вкуса.

Сталин: И произведений, видимо, не хватало, чтобы помещать, вот вы и валили в одну кучу.

Прокофьев: Журнал у нас не мусорная куча, мы хотели, чтобы наш журнал был достоин нашего города, но, очевидно, не получилось этого.

Сталин: Материала, видимо, не хватает, и потому, видимо, в «Звезде» иногда появлялись замечательные вещи, прямо бриллианты, а наряду с бриллиантами — навоз.

Прокофьев: На Вашу реплику отвечаю, половина или 3/4 вины нашей с нас складывается (смех), потому что все-таки наша работа не прошла вступую, мы давали и хорошие вещи.

Сталин: Безусловно.

Так же, как и Лихарев, Прокофьев просил сохранить журнал «Ленинград» и, кроме того, пытался защитить А. Ахматову. Однако его мнение по этим вопросам руководителей партии не интересовало. Они требовали, чтобы Прокофьев определенно высказал свое отношение к творчеству Зощенко, точнее — осудил его. Прокофьев же увиливал от погромных оценок и пытался объяснить вождам, что писатели — народ ранним и обращаться с ними следует бережно. У Союза писателей, говорил он, «не хватает мужества, в ряде случаев, сказать правду, имея в виду, что люди, с которыми мы работаем... будут обижены. У нас некоторые очень болезненно обиды принимают... Даже иногда небольшая критика оставляет глубокую царапину». Но на Сталина это не подействовало. «Этого бояться не следует. Как же иначе людей воспитывать без критики», — заявил он. И тут же, продемонстрировав образец такой «критики», обрушился на Зощенко: «Вся война прошла, все народы обливались кровью, а он ни одной строки не дал. Пишет он чепуху какую-то, прямо издевательство. Война в разгаре, а у него ни одного слова ни за, ни против, а пишет всякие небилыцы, чепуху, ничего не дающую ни уму, ни сердцу. Он бродит по разным местам, суется в одно место, в другое, а вы податливы очень. Хотели журнал сделать интересным и даете ему место, а из-за этого вам попадает, и не могут быть напечатаны произведения наших людей. Мы не для того советский строй строили, чтобы люди обучали пустяковщине».

(Заметим в скобках, что, отвергая выдвинутые в его адрес обвинения, Зощенко замечал в письме Сталину: «В годы Отечественной войны с первых же дней я активно работал в газете и журналах. И мои антифашистские фельетоны нередко читались по радио. И мое сатирическое антифашистское обозрение «Под липами Берлина» играли на сцене Ле-

писать с горячим желанием принести пользу народу, осмеивая все то, что подлежало осмеению в человеческом характере, сформированном прошлой жизнью». О злополучном рассказе «Приключения обезьяны» Зощенко писал: «Этот маленький шуточный рассказ... был написан в начале 45-го года для детского журнала «Мурзилка». И там же он и был напечатан... В этом моем рассказе нет никакого эзоповского языка и нет никакого подтекста. Это лишь потешная картинка для ребят без малейшего моего злого умысла». Разумеется, понимания у Сталина Зощенко не нашел. И тогда 10 октября 1946 года он решил направить, как теперь известно, последнее письмо в ЦК на имя Жданова. «Я очень подавлен тем, что случилось со мной. Я с трудом возвращаюсь к жизни... Я понимаю всю силу катастрофы. И не представляю себе возможности реабилитировать свое имя... Я не могу и не хочу быть в лагере реакции», — писал Зощенко и вновь доказывал, что он — не тот, кем объявлен, подбирая новые аргументы, пытаясь обратиться к здравому смыслу руководства:

Наряду с разносом произведений Зощенко и Ахматовой в этом проекте говорилось и о других «идейно-порочных» произведениях: Варшавского и Реста «Случай над Берлином», Слонимского «На заставе», Сельвинского «Севастополь», статье Хмельницкой «Английский военный роман», несомненно, по мнению авторов, с «социалистическим мировоззрением». Данный вариант постановления указывал и на другой «крупный недостаток» журнала «Звезда» — выполнение его малохудожественными пьесами и рассказами — «Дорога времени» Ягдфельда, «Лебединое озеро» Штейна, «Мир» и «Побег» Острова, а также стихами Садофьева и Комиссаровой, проникнутыми «тоской, пессимизмом, разочарованием в жизни».

В следующем варианте проекта в списке вышеперечисленных «идейно-порочных произведений» изменений не произошло. Что касается указаний Жданова, то они были реализованы полностью и имели следующий вид: «Не умея подойти к оценке произведений писателей политически, не строя своей работы на основе большевистской критики, редакции журналов «Звезда»... и «Ленинград»... в своей деятельности исходили из «приятельских отношений» с литераторами, не желали «обидеть» писателей, «испортить» с ними отношения. Редакции журналов не только не отклоняли, не браковали, негодные в идейно-художественном отношении произведения, но охотно публиковали их, нанося тем самым серьезный ущерб делу большевистского воспитания советской молодежи, интересам государства и народа».

В окончательной редакции постановления эти формулировки претерпели изменения, хотя суть их осталась прежней. Некоторые изменения были внесены также в список произведений и литераторов, подвергшихся осуждению. Так, из него исчезло упоминание «ошибочного произведения» Сельвинского «Севастополь», рассказов Острова и статьи Хмельницкой. Зато увеличилось количество пунктов постановления. Если в первом варианте (до заседания Оргбюро) их было восемь, то в седьмом — тринадцать. Обнародованы были первые четыре пункта, в которых осуждалась работа журналов, клеймилась Ахматова и Зощенко, объявлялось о ликвидации «Ленинграда» и назначении нового руководства в журнал «Звезда». В закрытой же части постановления излагались «оргвыводы»: Секретариату ЦК поручалось «рассмотреть и утвердить состав редакторов отделов и редколлегии журнала «Звезда», отменить решение Ленинградского горкома о составе редколлегии «Звезды», в которую был включен и Зощенко, а за принятие этого решения объявлялся выговор секретарю горкома Я. Капустину. Со своего поста был снят секретарь Ленинградского горкома по пропаганде И. Широков. В восьмом пункте постановления говорилось о возложении партруководства журналом и идейно-политиче-

писатель с горячим желанием принести пользу народу, осмеивая все то, что подлежало осмеению в человеческом характере, сформированном прошлой жизнью». О злополучном рассказе «Приключения обезьяны» Зощенко писал: «Этот маленький шуточный рассказ... был написан в начале 45-го года для детского журнала «Мурзилка». И там же он и был напечатан... В этом моем рассказе нет никакого эзоповского языка и нет никакого подтекста. Это лишь потешная картинка для ребят без малейшего моего злого умысла». Разумеется, понимания у Сталина Зощенко не нашел. И тогда 10 октября 1946 года он решил направить, как теперь известно, последнее письмо в ЦК на имя Жданова. «Я очень подавлен тем, что случилось со мной. Я с трудом возвращаюсь к жизни... Я понимаю всю силу катастрофы. И не представляю себе возможности реабилитировать свое имя... Я не могу и не хочу быть в лагере реакции», — писал Зощенко и вновь доказывал, что он — не тот, кем объявлен, подбирая новые аргументы, пытаясь обратиться к здравому смыслу руководства:

«1. А. М. Горький писал мне (13 октября 1930 г.): «Юмор Ваш я ценю высоко, своеобразие его для меня, да и для множества грамотных людей бесспорно, так же, как бесспорна и его социальная педагогика».

2. У меня сохранилось несколько тысяч читательских писем. Слова благодарности почти в каждом письме утверждали мое представление, что работа моя не только социально полезна, но и приносит радость.

3. В 1939 году за литературные заслуги я был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Союз писателей, представляя меня к награде, разделял, стало быть, мнение Горького и читателей.

4. Множество сатирических журналов (до 12, в которых я работал) и массовые тиражи моих книг говорили мне о том, что сатирический жанр нужен и поощряется... Мне очень трудно определить, в чем же именно заключаются мои ошибки». Вместе с просьбой «дать... возможность работать для советского народа» Зощенко в конце письма повторил: «Я считаю себя советским писателем, как бы меня ни бранили».

Однако слова эти уже ни в чем не могли убедить руководителей страны. Зощенко, как писал В. Каверин, «надолго, на годы, для примера был привязан на площади к позорному столбу и публично оплеван».

В октябре 1947 года, когда немногочисленная волна, поднятая постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград», секретарь Ленинградского обкома П. Попков обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой увеличить объем журнала «Звезда». Ходатайство поддержали секретари ЦК А. Кузнецов и М. Суслев. На имя Сталина было направлено письмо. В нем особо подчеркивалось, что через год с лишним после постановления «редакция располагает достаточным количеством интересных и содержательных литературных материалов». Речь шла прежде всего о романах Ю. Германа, В. Пановой, В. Саянова и других.

Бумага легла на сталинский стол. И размахистая карандашная резолюция буквально прорвала лист: «Против. И. Сталин».